

УДК 811.511.151

Л.А. Андреева

Функции посессивных суффиксов при глаголе в марийском языке

Аннотация. В марийском языке притяжательные суффиксы могут употребляться в сфере многих частей речи. В данной статье рассматриваются функции посессивных суффиксов при глаголе в марийском языке. Употребление притяжательных суффиксов при инфинитных формах глагола характерно и для некоторых родственных финно-угорских языков. Отличительной чертой марийского языка следует считать употребление притяжательного суффикса 3 л. ед. ч. при финитной форме глагола. В марийском языке посессивные суффиксы употребляются при глагольных формах главным образом для обозначения субъекта действия и в указательной или усилительно-выделительной функции. Чаще всего их использование зависит от желания говорящего выделить, заострить внимание слушателя на субъекте действия или действии, выраженном глагольной формой. Таким образом, в использовании посессивных суффиксов при глагольных формах большую роль играет нарративный фактор.

Ключевые слова: посессивный суффикс, глагол, инфинитная форма глагола, субъект действия, функция, указательная.

L.A. Andreyeva

Functions of possessive suffixes used with the verb in Mari

In the Mari language possessive suffixes can be used in the sphere of many parts of speech. This article deals with the functions of possessive suffixes used with the verb. The usage of possessive suffixes with non-finite verb forms is a specific feature of some other Finno-Ugric languages. A distinctive feature of the Mari language is the usage of the 3rd person singular possessive suffix with finite verb form. In the Mari language possessive suffixes are used with verb forms mainly for designation of the subject of action and in demonstrative or emphatic functions. More often their usage depends on the speaker's desire to emphasize, focus listener's attention on the subject of action or the action expressed by the verb form. Thus, a narrative factor plays a major role in the usage of possessive suffixes.

Keywords: possessive suffix, verb, non-finite verb form, subject of action, function, demonstrative, emphatic.

Употребление притяжательных суффиксов тесно связано с категорией посессивности, которая является одной из универсальных понятийных категорий языка. Её основное значение – это определение названия объекта через его отношение к некоторому лицу или предмету. А.А. Ким считает, что «эта категория принадлежит к числу таких лингвистических понятий, исследование которых позволяет вплотную подойти к характеристике языкового сознания – менталитета данного социума» [1, 168]. «В последнее время посессивность рассматривается как универсальное явление», – отмечает К. Писаркова [2, 171]. М.А. Журинская объясняет универсальность этой

категории тем, что «притяжательные отношения выражаются в любом языке, но при этом она (категория притяжательности – А.Л.) может занимать в категориальной системе языка более центральную или более периферийную позицию» [3, 246]. «Смысловое содержание этой категории не является единым, – подчеркивает автор, – т.к. система притяжательных местоимений может быть развитой, но может ограничиваться лишь одной косвенной формой личного местоимения и т.д.» [3, 246]. Например, среди финно-угорских языков некоторые прибалтийско-финские языки (эстонский, ливский, водский) не сохранили притяжательную суффиксацию. Л. Сабо пишет, что

в водском языке притяжательные суффиксы заменены: 1) нулевой формой притяжательности, 2) местоимением ота 'свой', 3) родительным падежом личных местоимений, 4) внешними падежами личных местоимений [4, 90].

В ЛЭС указывается: «В содержательном и формальном аспектах посессивность связана с такими категориями, как детерминация, предикативность, атрибутивность, локативность, семантическая релятивность» [5, 388]. «Особая отмеченность категории посессивности по сравнению с другими категориями языка определяется, — отмечает В.Н. Топоров, — наличием и у языка в целом и у категории посессивности некоего общего ядра» [6, 146]. Этим общим ядром является идея притяжательности. Автор доказывает это так: «Одна из основных функций языка — освоение им мира и усвоение его себе, т.е. тот процесс, который в самом языке передается разными средствами, в совокупности составляющими категорию посессивности» [6, 146]. В продолжение этой мысли в работе В.В. Иванова указывается: «Одной из наиболее поразительных черт категории посессивности является то, что внутри нее «сферы влияния» распределяются по участникам акта речи, т.е. в мире есть то, что определяется как принадлежащее говорящему (или говорящим), слушающему (или слушающим) и всем остальным» [7, 6]. А.В. Головачева представляет категорию посессивности как «пространственную концентрическую (антропоцентрическую) структуру, центром которой является человек, его духовное средоточие (ядро), тело, и далее внешнее пространство, также частично присвоенное ядром, а также проекции этой структуры на другие сферы внешнего мира» [8, 45]. Иначе говоря, структуру категории посессивности исследователи объясняют генезисом языкового и человеческого менталитета.

В финно-угорских языках для выражения отношений посессивности существует специальная морфологическая категория притяжательности. Она представлена лично-притяжательными суффиксами: имя-обладаемое, снабженное специальным суффиксом, указывает на грамматическое лицо обладателя. Тем не менее, наиболее древним прафинно-угорским (и даже прауральским) способом выражения притяжательных отношений считают употребление немаркированной притяжатель-

ной конструкции, в которой в качестве связывающего средства выступал порядок слов: слово, обозначающее обладателя, предшествовало слову, обозначающему обладаемое [9, 267].

Ученые сходятся во мнении, что посессивные суффиксы восходят к соответствующим прауральским личным местоимениям [9, 267; 10, 31; 11, 560; 12, 189]. М.Р. Федотов полагает, что «истoki возникновения категории принадлежности нужно было бы искать в урало-алтайской общности языков» [13, 336]. Особый интерес вызывает высказывание Б.А. Серебренникова: «Появление притяжательных суффиксов в агглютинативных языках находится в прямой зависимости от их двух особенностей — первоначального отсутствия родительного падежа и так называемого суффиксального тонуса: в агглютинативных языках есть суффиксы, но нет префиксов» [14, 277]. Автор делает следующее замечание: «Непосредственно притяжательные суффиксы из личных местоимений развиваться не могли. Материалы уральских языков наглядно свидетельствуют о том, что отношения принадлежности возникли в результате переосмысления первоначальных пространственных отношений» [14, 279]. Б.А. Серебренников доказывает это тем, что некоторые притяжательные суффиксы и указательные местоимения содержат одни и те же элементы. В итоге автор заключает: «На базе этих указательных местоимений и развились притяжательные суффиксы. На базе этих же указательных местоимений уже по особой линии развития позднее оформились личные местоимения» [14, 279].

Анализируя факты урало-алтайских языков с точки зрения теории определенности, Д.Г. Кiekбаев приходит к следующему выводу: «аффиксы принадлежности имеют два значения: первое — они указывают на принадлежность предмета тому или иному лицу, т.е. на лицо обладателя, второе — они придают предмету значение определенности, поскольку все аффиксы принадлежности <...> исторически восходят к древнейшим показателям определенности, от которых впоследствии образовались все словоизменительные и словообразовательные аффиксы имен и глаголов, личные, указательные, вопросительные местоимения и частицы» [15, 259]. Вышеизложенное перекликается с мнением некоторых тюрколо-

гов, которые считают, что «личные и указательные местоимения по существу составляют одну лексико-грамматическую группу, т.е. они аналогичны» [16, 63]. Н.А. Баскаков предположил, что «если личные местоимения не являются прямыми деривативами указательных и субстантивированных местоимений, то они должны быть генетически непосредственно связаны с общим процессом развития указательных (определятельных), притяжательных и субстантивно-личных, а также лично-притяжательных местоимений»¹.

Известно, что посессивные суффиксы в уральских языках означают не только принадлежность, но и определенность, они выполняют также указательную, усилительно-выделительную функцию. А.И. Кузнецова полагает: «Собственно посессивное значение в силу своей максимальной независимости от контекста, высокой частотности встречаемости, легкости восприятия является ядром грамматической категории. По отношению к нему как к центру значения указательное, определенное, усилительно-выделительное и другие будут составлять периферию всей семантической области анализируемой грамматики» [17, 250].

Отмечается, что в некоторых финно-угорских (также самодийских) языках посессивные суффиксы 3-го и 2-го лица, кроме выражения притяжательности, обозначают определенность действия. Ученые полагают, что корни данного явления уходят в прауральскую эпоху [9, 270; 18, 465 и др.]. И. Николаева считает, что понятие определенности не может адекватно объяснить употребление и дистрибуцию посессивных аффиксов с непосессивными значениями. Вместо этого она предлагает следующую классификацию их значений: а) идентификация; б) ассоциативная связь с другим элементом; в) эмпфаза, контраст. Автор указывает, что «ни в одной из этих функций посессивные аффиксы не грамматикализировались полностью; скорее их присутствие обусловлено пресуппозицией, которую несет соответствующее высказывание» [19, 130]. И. Николаева приходит к выводу, что первые две функции типичны для большинства уральских языков, за возможным исключением венгерского и прибалтийско-финских языков [19, 142]. Третья функция посессивных функций (эмпфаза, контраст) характерна

только для марийского, коми, удмуртского языков. И. Николаева, вслед за Б.А. Серебренниковым, считает, что эта функция развилась под влиянием тюркских языков: татарского и чувашского [19, 143]. Факт, что эта функция не встречается в других уральских языках, подтверждает эту гипотезу.

Рассматривая в качестве примера прибалтийско-финские языки (эстонский, вепсский, водский), А.А. Ким утверждает, что «процесс распада системы уральских посессивов ведет к абсолютному сокращению сферы их употребления» [1, 170], с чем нельзя, на наш взгляд, согласиться. Например, в марийском языке притяжательные суффиксы, являясь показателем имен существительных, могут употребляться в сфере многих частей речи. В данной статье рассматриваются функции посессивных суффиксов при глаголе в марийском языке.

Употребление притяжательных суффиксов при инфинитных формах глагола характерно и для некоторых родственных финно-угорских языков: мордовским, коми, венгерскому, финскому [20, 21, 22, 23, 24, 25, 26, 27, 28, 29, 30]. Ученые сходятся во мнении, что употребление притяжательных суффиксов при инфинитных формах связано с происхождением этих категорий слов от имен действия [31, 32, 9, 33]. Эти формы, подобно обычным именам, могли склоняться по падежам и лично-притяжательности; это свойство в отдельных финно-угорских языках, в частности и в марийском, они в разной степени сохранили и после превращения в глагольную форму.

Отличительной чертой марийского языка следует считать употребление притяжательных суффиксов при финитной форме глагола, напр.: *Кузе тыгай сўретым сўретленатие?* [34, 86] 'Как такую картину нарисовал-то?'; *Мо тугай йōратымаи, таче марте паленжат омыл* [35, 58] 'Что такое любовь, до сегодняшнего дня даже и не знал'; *А мом воитылатие? Тыгай мотор рвезе мыйым ондален ок керт* [36, 99] 'А что смеешься-то? Такой красивый парень не может меня обмануть'.

В марийском языке посессивные суффиксы (далее Рх) употребляются при глагольных формах главным образом в трех функциях: для обозначения субъекта действия, в указательной и усилительно-выделительной.

¹ По материалу Велиева С.А. К истории образования аффикса принадлежности третьего лица // Советская тюркология. – 1985. – № 6. – С. 63

1. Посессивные суффиксы всех лиц и чисел употребляются при инфинитиве на *-аш*, деепричастиях на *-меке*, *-мешке* в функции обозначения лица, совершающего действие или находящегося в каком-либо состоянии, отношении к действию, названном в глагольной основе. При деепричастии на *-шыла* в луговом варианте марийского языка не используются *Rx* 1 и 2 л. мн. ч. Посессивный суффикс при деепричастиях на *-н*, *-де* и личной форме глагола в функции обозначения лица не употребляется.

Употребление посессивных суффиксов при глагольных формах в функции обозначения лица может быть обязательным и факультативным. Оно обязательно в следующих случаях: 1) *Rx* обозначает лицо и число субъекта, который определяется только из контекста, напр.: *Шўжар, язуэтым луд айда, а мый шке пашам дене коштын толам. Ала эше пырляк пёртылашна (InfPx1Pl) перна* [37, 74] 'Сестренка, читай пока свое письмо, а я по своим делам пройду. Может, вместе же возвращаться придется'; 2) лицо, совершающее действие, обозначенное инфинитивом на *-аш*, выражается *Rx* при инфинитиве и личным местоимением в номинативе в значении дати-ва, напр.: *Тый, Осип Кондратьевич, мыланем полшашет (InfPx2Sg) возеш* [38, 257] 'Тебе (досл. ты), Осип Кондратьевич, придется мне помочь'. Употребление субъекта действия в форме номинатива обуславливает обязательное оформление инфинитива посессивным суффиксом.

Употребление посессивных суффиксов факультативно в следующих случаях: 1) *Rx* указывает на лицо и число субъекта, который формально выражен в том же предложении, напр.: *Олю, орва гыч вошышжла, (GšəlaPx3Sg) кычкырал колтыш* [39, 351] 'Оля, спускаясь с телеги, крикнула'; 2) субъект выражается существительным / местоимением в генитиве, существительным / местоимением в дативе и *Rx* при глагольной форме, напр.: *Пошкудыштын кочкашышит (InfPx3Pl) уке ыле гын, Эвай нунын начар ылыш нерген кумылзак лийын шонен огыл* [40, 10] 'Если у их соседей не было ничего кушать, Эвай не очень охотно думал об их плохой жизни'; *Тыланет курык марий коклаш каяшет (InfPx2Sg) перна* [41, 136] 'Тебе придется пойти к горным марийцам'.

2. Суффикс *Rx3Sg* при инфинитиве на *-аш*, деепричастиях на *-меке*, *-мешке*, *-н*, *-де*, лич-

ной форме глагола употребляется в указательно-выделительной функции для выражения:

1) анафоры, т.е. вторичного употребления слов, напр.: *Венцов дене вашийын кутыраш амалым кычалыт. Шонет гын, тудым кычалашыжмат (InfPx3Sg) нимолан* [39, 452] 'Ищут причину для того, чтобы поговорить с Венцовым при встрече. Если подумать, ее искать-то не надо'; *Туге гынат тошто эксплуататор класс гыч лекше-влакым шкенан пашашке пеш шекланен пурташ кўлеш, пуртымекшат (GmekePx3Sg), кечын эскераш кўлеш* [38, 47] 'Если и так, выходцев из бывшего класса эксплуататоров в нашу работу надо впускать очень осторожно, даже и впустив, надо наблюдать каждый день'; *Настя кутыраш тўнале. Кузе вет кутыраже (VPx3Sg) эше* [42, 140] 'Настя начала говорить. Как ведь говорит-то еще';

2) ассоциативной маркированности, когда связь интерпретируется через конкретную ситуацию говорения, через контекст, напр.: *Теве тиде жапыште шўшык муро поснак сылне. [...]. О, кузе тыгай кайык шочынжо (VPx3Sg) кертын!* [39, 447] 'Вот в это время песня соловья особенно красива. О, как только такая птица смогла родиться-то!'; *Эше тельмак Чарла гыч налын конден, манеш. А пўлекленже (VPx3Sg) теггече гына* [39, 430] 'Еще зимой купил и привез из Казани, говорят. А подарил-то только вчера'.

Использование посессивного суффикса в функции указательно-выделительной частицы является факультативным;

3. Суффикс *Rx3Sg* при инфинитиве на *-аш*, деепричастиях на *-меке*, *-мешке*, *-н*, *-де*, личной форме глагола, а также суффикс *Rx2Sg* при инфинитиве на *-аш* и деепричастии на *-мешке* употребляются в усилительно-выделительной функции при:

1) эмфазе, Г. *Лицажсы моло якшаргал шыцшы, шыма шыргымынывлājым ужмыкетшы (GmekePx2Sg) гынбы, пырыл колтымметок шон колта* [43, 51] 'Лицо ее покраснелось, а когда увидишь-то ее нежные щеки, укусить даже хочется';

2) контрасте, напр.: *Шергакан вўдым ида веле. Нумалашыже (InfPx3Sg) уке улыда, велен киеда* [44, 153] 'Не разливайте драгоценную воду. Носить-то вас нет, а разливаете'; *Ачан-аван кидыштыже / Каван ўмбал озым улына, / Ег кидышке каймекыже (GmekePx3Sg), / Каван йымал куштыра лийына* [38, 159] 'В руках

родителей / Мы всходы на стоге сена, / А когда попадаем в чужие руки, / Мы будем мусором под стогом сена?.

Суффикс Px2Sg употребляется в народных песнях при инфинитиве на *-аш* и деепричастии на *-мешке* с целью субъективизировать действие, приблизить содержание сообщения к слушателю, напр.: *Йылдырым-йылдырым вўдет йогале, / Пуя пўялашет ыина шу. / Йылдырым-йылдырым колет каяле, / Мурда шындашет ыина шу. / Йылдырым-йылдырым комбет каяле, / Шўльё пуашет ыина шу. / Йылдырым-йылдырым танна каяле, / Шогал мутланашет ыина шу* [38, 265] 'Йылдырым-йылдырым водичка текла, / Не успели пруд запрудить. / Йылдырым-йылдырым рыба ушла, / Не успели мурду поставить. / Йылдырым-йылдырым гуси ушли / Не успели овса дать. / Йылдырым-йылдырым друзья ушли, / Не успели, встав поговорить'; *а: Der-DāK-Don jarlāmešket / nužer-Deškāškā pāren lākšāš əl'ə / məloetsāK Don jarlāmešket, / pisāndeškāškā pāren lākšāš əl'ə* [45, 7] 'Вместо того, чтобы расстаться с девушкой, лучше бы побывать (букв. зайти и выйти) в крапивнике / вместо того, чтобы расстаться с парнем, лучше бы побывать в зарослях осота'. С этой же целью суффикс Px2Sg употребляется в сказках, бай-

ках, устных рассказах, напр.: *Вес ирготлан кейен имн'и нāлāшет (InfPx2Sg) и местāиок йāрен: имн'и тупеш тлгдо ырвезы-иймыц тупелā пижын шыныцыныт* [46, 209] 'Пришел на следующее утро за конем и застыл на месте: сидят мальчики верхом на коне задом наперед и прилипли'. Использование посессивного суффикса в данной функции является факультативным и зависит от желания говорящего подчеркнуть слово.

Основной ролью показателя Px3Sg при глаголе является выделение действия, которое воспринимается как более отдаленное, отчужденное от повествователя, тогда как суффикс Px2Sg приближает, субъективизирует действие.

Употребление посессивных суффиксов при глагольных формах является довольно распространенным явлением в марийском языке. Чаще всего их использование зависит от желания говорящего выделить, заострить внимание слушателя на субъекте действия (функция обозначения лица) или действии, выраженном глагольной формой (указательная или усиительно-выделительная функция). Таким образом, в использовании посессивных суффиксов при глагольных формах большую роль играет нарративный фактор.

Литература

1. Ким А.А. Общие тенденции развития категории посессивности в уральских языках // *Congressus Septimus Internationalis Fenno-Ugristarum*. 3A. Sessions Sectionum. Debrecen, 1990. P. 168-173.
2. Писаркова К. Посессивность как грамматическая проблема (на примере польского языка) // *Грамматическое описание славянских языков. Концепции и методы*. М., 1974. С. 171-176.
3. Журинская М.А. К исследованию притяжательных отношений // *Аспекты лингвистического анализа (на материале языков разных систем)*. М., 1974. С. 246-254.
4. Сабо Л. Употребление притяжательных суффиксов и способы их замещения в современном водском языке // *Финно-угорская филология*. Л., 1962. С. 85-100.
5. Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. М., 2002.
6. Топоров В.Н. О некоторых предпосылках формирования категории посессивности // *Славянское и балканское языкознание*. М.: Наука, 1986. С. 142-167.
7. Иванов В.В. Синхронная и диахроническая типология посессивности // *Категория посессивности в славянских и балканских языках*. М.: Наука, 1989. С. 5-43.
8. Головачева А.В. Категория посессивности в плане содержания // *Категория посессивности в славянских и балканских языках*. М., 1989. С. 44-111.
9. Майтинская К.Е. Категория лично-притяжательности // *Основы финно-угорского языкознания (вопросы происхождения и развития финно-угорских языков)*. М.: Наука, 1974. С. 267-278.
10. Janhunen J. On the structure of Proto-Uralic // *FUF*. – 1982. – Band. XLIV. – Heft. 1-3. P. 23-42.
11. Raun A. Proto-Uralic Comparative Historical Morphosyntax // *The Uralic Languages. Description, History and foreign Influences*. – Leiden. New York. Kbnhvm. Köln, 1988. P. 556-571.
12. Sakuma J. Distribution of Possessive Suffixes in the Finnish Language // *Congressus Ostavus Internationalis Fenno-Ugristarum 10-15.8.1995. – Pars III. Phonologia and Morphologia*. – Jyväskylä, 1996. S. 189-192.
13. Федотов М.Р. Чувашско-марийские языковые взаимосвязи. Саранск: Изд-во Саран. ун-та, 1990.

14. Серебренников Б.А. К проблеме происхождения притяжательных суффиксов в тюркских и уральских языках // Фонетика. Фонология. Грамматика. М. : Наука, 1971. С. 277-282.
15. Киекбаев Д.Г. Основы исторической грамматики урало-алтайских языков. Уфа : Китап, 1996.
16. Велиев С.А. К истории образования аффикса принадлежности третьего лица // Советская тюркология. – 1985. – №6. – С. 57-64.
17. Кузнецова А.И. Кумуляция грамматических значений в агглютинативных показателях: дейктические функции посессива в уральских языках // Международный симпозиум по дейктическим системам и квантификации в языках Европы и Северной и Центральной Азии: сб. ст. Ижевск, 2003. С. 249-259.
18. Comrie B. General features of the Uralic languages // The Uralic Languages. Description, History and foreign Influences. – Leiden. New York. Kölnhaven. Köln, 1988. P. 450-477.
19. Николаева И. Посессивные аффиксы в прагматической структуре высказывания: данные уральских языков // Международный симпозиум по дейктическим системам и квантификации в языках Европы и Северной и Центральной Азии. Ижевск, 2003. С. 130-145.
20. Керт Г.М. М-овые инфинитивные формы в финском литературном языке (т.н. III инфинитив): дис. ... канд. филол. наук. Л., 1953. 258 с.
21. Хакулинен Л. Развитие и структура финского языка. Ч. 1. Фонетика и морфология. М., 1953.
22. Майтинская К.Е. Венгерский язык. Ч. 1. Введение. Фонетика. Морфология. М., 1955.
23. Кокла П. О притяжательных суффиксах в инфинитиве марийского языка // Вопросы финно-угорского языкознания: Грамматика и лексикология. М.-Л., 1964. С. 106-111.
24. Учкина В.И. Инфинитив в мордовских языках: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Тарту, 1975. 21 с.
25. Bartens R. Mordvan, tšeremissin ja votjakin konjugaation infiniittisten muotojen syntaksi. Helsinki, 1979.
26. Прокушева Т.И. Инфинитив в коми языке: дис. ... канд. филол. наук. Сыктывкар, 1981. 167 с.
27. Alhoniemi A. Marin kielioppi. Helsinki: Suomalais-ugrilainen seura, 1985.
28. Sakuma J. Distribution of Possessive Suffixes in the Finnish Language // Congressus Ostavus Internationalis Fenno-Ugristarum 10-15.8.1995. – Pars III. Phonologia and Morphologia. Jyväskylä, 1996. S. 189-192.
29. Bereczki G. A cseremisz nyelv történeti alaklana. – Debrecen, 2002.
30. Цыпанов Е.А. Грамматические категории глагола в коми языке. Сыктывкар, 2005.
31. Галкин И.С. Историческая грамматика марийского языка. Морфология. Ч. 1. Йошкар-Ола: Маркнигоиздат, 1964.
32. Кокла П. Притяжательные суффиксы в марийском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Таллин, 1963. 47 с.
33. Прокушева Т.И. Определенно-притяжательные суффиксы инфинитива и их образование в коми языке // Вопросы лексикологии коми языка: Труды ин-та языка, литературы и истории. – 1979. – № 22. – С. 64-78.
34. Кудряшов М. Серыш поран // Ончыко. – 2000. – №2. – С. 72-129.
35. Яндак Л. Чоткар // Ончыко. – 2000. – №1. – С. 23-84.
36. Иванова А.П. Шинчаваш ончен: Почеламут-влак. Йошкар-Ола, 1988.
37. Мурзашев А. Тöлдö // Ончыко. – 2001. – №9. – С. 25-77.
38. Чавайн С.Г. Акпатыр: Пьеса-влак. Йошкар-Ола, 1977.
39. Юксерн В. Кас ўжара: Легенда, ойлымаш, повесть, роман. Йошкар-Ола, 1983.
40. Шкетан, М. Эренер. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1986.
41. Васин К. Ушнымаш: роман. Йошкар-Ола: Марий книга изд-во, 1984.
42. Артамонов Ю.М. Кайык ўжын ужата: Повесть ден ойлымаш-влак. Йошкар-Ола: Книгам лукшо марий изд-во, 1980.
43. Ильяков Н.Ф. Айырн нълмы произведенийвлă, Т. 3. Йошкар-Ола, 1994.
44. Чавайн С.Г. Элнет. Йошкар-Ола, 1967.
45. Wichmann Y. Tšeremissische texte mit Wörterverzeichnis und Grammatikalischem abriss. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1953.
46. Иванов И.Г. Северо-западное наречие марийского языка. Йошкар-Ола, 1970.

References

1. Kim A.A. Obschchie tendentsii razvitiya kategorii posessivnosti v ural'skikh yazykakh // Congressus Septimus Internationalis Fenno-Ugristarum. 3A. Sessions Sectionum. Debrecen, 1990. P. 168-173.
2. Pisarkova K. Posessivnost' kak grammaticheskaya problema (na primere pol'skogo yazyka) // Grammaticheskoe opisanie slavyanskikh yazykov. Kontseptsii i metody. M., 1974. S. 171-176.
3. Zhurinskaya M.A. K issledovaniyu prityazhatel'nykh otnosheniy // Aspekty lingvisticheskogo analiza (na materiale yazykov raznykh sistem). M., 1974. S. 246-254.
4. Sabo L. Upotreblenie prityazhatel'nykh suffiksov i sposoby ikh zameshcheniya v sovremennom vodskom

yazyke // Finno-ugorskaya filologiya. L., 1962. S. 85-100.

5. Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar' / Gl. red. V.N. Yartseva. M., 2002.

6. Toporov V.N. O nekotorykh predposylkakh formirovaniya kategorii posessivnosti // Slavyanskoe i balkanskoe yazykoznanie. M.: Nauka, 1986. S. 142-167.

7. Ivanov V.V. Sinkhronnaya i diakhronicheskaya tipologiya posessivnosti // Kategoriya posessivnosti v slavyanskikh i balkanskikh yazykakh. M.: Nauka, 1989. S. 5-43.

8. Golovacheva A.V. Kategoriya posessivnosti v plane sodержaniya // Kategoriya posessivnosti v slavyanskikh i balkanskikh yazykakh. M., 1989. S. 44-111.

9. Maytinskaya K.E. Kategoriya lichno-prityazhatel'nosti // Osnovy finno-ugorskogo yazykoznaniya (voprosy proiskhozhdeniya i razvitiya finno-ugorskikh yazykov). M.: Nauka, 1974. S. 267-278.

10. Janhunen J. On the structure of Proto-Uralic // FUF. – 1982. – Band. XLIV. – Hebf. 1-3. P. 23-42.

11. Raun A. Proto-Uralic Comparative Historical Morphosyntax // The Uralic Languages. Description, History and foreign Influences. – Leiden. New York. Kabinham. Köln, 1988. P. 556-571.

12. Sakuma J. Distribution of Possessive Suffixes in the Finnish Language // Congressus Ostavus Internationalis Fenno-Ugristarum 10-15.8.1995. – Pars III. Phonologia and Morphologia. – Jyväskylä, 1996. S. 189-192.

13. Fedotov M.R. Chuvashsko-mariyskie yazykovye vzaimosvyazi. Saransk: Izd-vo Saran. un-ta, 1990.

14. Serebrennikov B.A. K probleme proiskhozhdeniya prityazhatel'nykh suffiksov v tyurkskikh i ural'skikh yazykakh // Fonetika. Fonologiya. Grammatika. M.: Nauka, 1971. S. 277-282.

15. Kiebaev D.G. Osnovy istoricheskoy grammatiki uralo-altayskikh yazykov. Ufa: Kitap, 1996.

16. Veliev S.A. K istorii obrazovaniya affiksa prinadlezhnosti tret'ego litsa // Sovetskaya tyurkologiya. – 1985. – №6. – S. 57-64.

17. Kuznetsova A.I. Kumulyatsiya grammaticheskikh znacheniy v agglutinativnykh pokazatelyakh: deyticheskieskie funktsii posessiva v ural'skikh yazykakh // Mezhdunarodnyy simpozium po deyticheskim sistemam i kvantifikatsii v yazykakh Evropy i Severnoy i Tsentral'noy Azii: sb. st. Izhevsk, 2003. S. 249-259.

18. Comrie B. General features of the Uralic languages // The Uralic Languages. Description, History and foreign Influences. – Leiden. New York. Kölnhaven. Köln, 1988. P. 450-477.

19. Nikolaeva I. Posessivnye affiksy v pragmaticheskoy strukture vyskazyvaniya: dannye ural'skikh yazykov // Mezhdunarodnyy simpozium po deyticheskim sistemam i kvantifikatsii v yazykakh Evropy i Severnoy i Tsentral'noy Azii. Izhevsk, 2003. S. 130-145.

20. Kert G.M. M-ovye infinitivnye formy v finskom literaturnom yazyke (t.n. III infinitiv): dis. ... kand. filol. nauk. L., 1953. 258 s.

21. Khakulinen L. Razvitie i struktura finskogo yazyka. Ch. 1. Fonetika i morfologiya. M., 1953.

22. Maytinskaya K.E. Vengerskiy yazyk. Ch. 1. Vvedenie. Fonetika. Morfologiya. M., 1955.

23. Kokla P. O prityazhatel'nykh suffiksakh v infinitive mariyskogo yazyka // Voprosy finno-ugorskogo yazykoznaniya: Grammatika i leksikologiya. M.-L., 1964. S. 106-111.

24. Uchkina V.I. Infinitiv v mordovskikh yazykakh: avtoref. diss. ... kand. filol. nauk. Tartu, 1975. 21 s.

25. Bartens R. Mordvan, tšeremissin ja votjakin konjugaation infiniittisten muotojen syntaksi. Helsinki, 1979.

26. Prokusheva T.I. Infinitiv v komi yazyke: dis. ... kand. filol. nauk. Syktyvkar, 1981. 167 s.

27. Alhoniemi A. Marin kielioppi. Helsinki: Soumalais-ugrilainen seura, 1985.

28. Sakuma J. Distribution of Possessive Suffixes in the Finnish Language // Congressus Ostavus Internationalis Fenno-Ugristarum 10-15.8.1995. – Pars III. Phonologia and Morphologia. Jyväskylä, 1996. S. 189-192.

29. Bereczki G. A cseremisz nyelv történeti alaklana. – Debrecen, 2002.

30. Tsypanov E.A. Grammaticheskie kategorii glagola v komi yazyke. Syktyvkar, 2005.

31. Galkin I.S. Istoricheskaya grammatika mariyskogo yazyka. Morfologiya. Ch. 1. Yoshkar-Ola: Marknigoizdat, 1964.

32. Kokla P. Prityazhatel'nye suffiksy v mariyskom yazyke: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Tallin, 1963. 47 s.

33. Prokusheva T.I. Opredelenno-prityazhatel'nye suffiksy infinitiva i ikh obrazovanie v komi yazyke // Voprosy leksikologii komi yazyka: Trudy in-ta yazyka, literatury i istorii. – 1979. – № 22. – S. 64-78.

34. Kudryashov M. Serysh poran // Onchyko. – 2000. – №2. – S. 72-129.

35. Yandak L. Chotkar // Onchyko. – 2000. – №1. – S. 23-84.

36. Ivanova A.P. Shinchavash onchen: Pochelamut-vlak. Yoshkar-Ola, 1988.

37. Murzashev A. Töldö // Onchyko. – 2001. – №9. – S. 25-77.

38. Chavayn S.G. Akpatyr: P'esa-vlak. Yoshkar-Ola, 1977.

39. Yuksern V. Kas žzhara: Legenda, oylmash, povest', roman. Yoshkar-Ola, 1983.

40. Shketan, M. Erener. Yoshkar-Ola: Mar. kn. izd-vo, 1986.

41. Vasin K. Ushnymash: roman. Yoshkar-Ola: Mariy kniga izd-vo, 1984.

42. Artamonov Yu.M. Kayyk žzhyn uzhat: Povest' den oylmash-vlak. Yoshkar-Ola: Knigam luksho mariy izd-vo, 1980.

43. Il'yakov N.F. Ayyren nälmy proizvedeniyvlä, T. 3. Yoshkar-Ola, 1994.
44. Chavayn S.G. Elnet. Yoshkar-Ola, 1967.
45. Wichmann Y. Tscheremissische texte mit Wörterverzeichnis und Grammatikalischem abriß. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1953.
46. Ivanov I.G. Severo-zapadnoe narechie mariyskogo yazyka. Yoshkar-Ola, 1970.